

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2015–2016 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Прочитайте выдержки из статьи Д.И. Писарева о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Согласитесь с мнением Писарева о Татьяне или опровергните его. Обоснуйте свой ответ, свои доказательства проиллюстрируйте примерами из текста романа.

Объём ответа – 10–30 предложений.

Оцениваются связность, доказательность, логичность, аргументация, язык и стиль, знание текста романа, а также грамотность.

Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868)

О Татьяне Лариной

Вводя нас в семейство Лариных, Пушкин тотчас старается предрасположить нас в пользу Татьяны; эта, дескать, старшая, Татьяна, пускай будет интересная личность, высшая натура и героиня.

...Однако же я попробую отрешиться от этих предвзятых чувств любви и уважения. Я взгляну на Татьяну как на совершенно незнакомую мне девушку, которой ум и характер должны раскрываться предо мною не в рекомендательных словах автора, а в её собственных поступках и разговорах.

Первый поступок Татьяны – её письмо к Онегину. Поступок очень крупный и до такой степени выразительный, что в нём сразу раскрывается весь характер девушки. Надо отдать полную справедливость Пушкину: характер выдержан превосходно до конца романа; но здесь, как и везде, Пушкин понимает совершенно превратно те явления, которые он рисует совершенно верно. В своей Татьяне он рисует с восторгом и с сочувствием такое явление русской жизни, которое можно и должно рисовать только с глубоким состраданием или с резкою ирониею.

Онегин во всё продолжение романа был у Лариных три раза. В первый раз тогда, когда Ленский его представил и когда их угощали вареньем и брусничною водою. Во второй раз тогда, когда он получил письмо Татьяны. И в третий раз на именинах Татьяны. Значит, до именин было только два визита. Значит, Татьяна влюбилась в Онегина сразу и решилась к нему написать письмо, проникнутая самою страшною нежностью, видевши его всего один раз. ...Знакомство было, очевидно, самое поверхностное, когда Онегин даже не знает, «которая Татьяна». Легко может быть, что Онегин не сказал с Татьяною ни одного слова; это обстоятельство тем более правдоподобно, что Ленский называет Татьяну молчаливой; по всей вероятности, разговором владела постоянно старуха Ларина;

...А в разговоре с простою старухой он, очевидно, не мог высказать ничего замечательного, что оправдывало бы или объясняло бы возникновение внезапного и страстного чувства в душе умной и рассудительной девушки. Как бы то ни было, результатом первого, совершенно поверхностного знакомства Татьяны с Онегиным оказалось то знаменитое письмо, которое Пушкин свято бережёт и читает с тайною тоскою. Татьяна начинает своё письмо довольно умеренно; она выражает желание видеть Онегина хоть раз в неделю, чтоб только слышать его речи, чтобы молвить ему слово и чтобы потом день и ночь думать о нём до новой встречи. Всё это было бы очень хорошо, если бы мы знали, какие это речи так понравились Татьяне и какое слово она желает молвить Онегину. Но, к сожалению, нам достоверно, что Онегин не мог говорить старухе Лариной никаких замечательных речей и что Татьяна не вымолвила ни одного слова. Если же она желает молвить слова, подобные тем, которыми она наполняет своё письмо, то ей, право, незачем приглашать Онегина в неделю раз, потому что в этих словах нет никакого смысла и от них не может быть никакого облегчения ни тому, кто их произносит, ни тому, кто их выслушивает.

Татьяна, по-видимому, предчувствует, что Онегин не станет ездить к ним раз в неделю, чтобы говорить ей речи и выслушивать слова; вследствие этого начинаются в письме нежные упрёки; уж если, дескать, не будете вы, коварный тиран, ездить к нам раз в неделю, так незачем было и показываться у нас; без вас я бы, может быть, сделалась верною женою и добродетельною матерью; а теперь я по вашей милости, жестокий мужчина, пропадать должна.

Всё это, разумеется, изложено самым благородным тоном и втиснуто в самые безукоризненные четырёхстопные ямбы. – Ни за кого я не хочу замуж идти, – продолжает Татьяна, – а за тебя даже очень хочу, потому что «то в вышнем суждено совете... то воля неба: я твоя», и потому что ты мне послан Богом и ты хранитель по гроб моей жизни. – Тут Татьяна как будто спохватилась и, вероятно, подумала про себя: что ж это я, однако, за глупость пишу и с какой стати я это так раскутилась? Ведь я его всего-навсего только один раз видала. Так нет же вот, продолжает она: не один раз; не такая же я в самом деле, шальная дура, чтобы вешаться на шею первому встречному; я влюбилась в него потому, что он мой идеал; а я уж давно мечтаю об идеале, значит, я видела его много раз; волосы, усы, глаза, нос – всё как есть так, как должно быть у идеала; и, кроме того, в высшем совете так суждено; значит, не о чем толковать: влюблена в него до безумия, буду ему верна в сей жизни и в будущей, буду о нём мечтать денно и нощно и напишу к нему такое пламенное письмо, от которого затрепещет самое бесчувственное сердце. Затем Татьяна бросает в сторону последние остатки своего здравого смысла и начинает взводить на несчастного Онегина самые неправдоподобные напраслины.

«Ты в сновиденьях мне являлся»... С каждой дальнейшей строчкой письма Татьяна завирается хуже и хуже, по русской пословице: чем дальше в лес, тем больше дров...

Было бы очень недурно и очень полезно для Татьяны, если бы Онегин отвечал ей словесно или письменно в том резко-насмешливом тоне, в каком я написал от его лица несколько фраз.

Такой ответ, конечно, заставил бы Татьяну пролить несметное количество слёз; но если только мы допустим предположение, что Татьяна была неглупа от природы, что её врождённый ум не был ещё окончательно истреблён бестолковыми романами и что её нервная система не была вполне расстроена ночными мечтаниями и сладкими сновидениями, – то мы придём к тому убеждению, что горькие слёзы, пролитые ею над прозаическим ответом жестокого идеала, должны были бы произвести во всей умственной жизни необходимый чрезвычайно благодетельный переворот. Глубокая рана, нанесённая её самолюбью, мгновенно истребила бы её фантастическую любовь к очаровательному соседу. – Что ж, – подумала бы она, – должно быть, это в самом деле не он мелькал в прозрачной темноте. А если не он, так кто же? Да, должно быть, никто не мелькал. И зачем это я ему так много глупостей написала?

Татьяна увидела бы ясно, что её любовь к Онегину, лопнувшая как мыльный пузырь, была только подделкой любви, бесплодной и мучительной игрою праздного воображения; она поняла бы в то же время, что эта ошибка, стоившая ей многих слёз и заставляющая её краснеть от стыда и досады, была естественным и необходимым выводом из всего строя её понятий, которые она черпала с страстной жадностью из своего беспорядочного чтения...

Необходимо или отыскать себе другое, здоровое чтение, или, по крайней мере, прислониться в действительной жизни к какому-нибудь хорошему и разумному делу, которое могло бы постоянно поддерживать в ней умственную трезвость и отвлекать её от туманной области наркотических мечтаний. Такое хорошее и разумное дело отыскать нетрудно; намёк на него существует даже в нелепом письме Татьяны; она говорит, что помогает бедным, – ну, помогай; но только займись этим делом серьёзно и смотри на него как на постоянный и любимый труд... Словом, несмотря на пустоту и бесцветность той жизни, на которую была осуждена Татьяна с самого детства, наша героиня всё-таки имела возможность действовать в этой жизни с пользой для себя и для других, и она непременно принялась бы за какую-нибудь скромную, полезную деятельность, если бы нашёлся умный человек, который бы энергическим словом и резкою насмешкою выбросил её вон из ядовитой атмосферы фантастических видений и глупых романов.

С самого начала Онегин делает грубую и непоправимую ошибку; он принимает любовь Татьяны за действительно существующий факт; а ему, напротив того, надо было сказать и доказать ей, что она его совсем не любит и не может любить, потому что с первого взгляда люди влюбляются только в глупых романах.

Голова несчастной девушки до такой степени засорена всякой дрянью и до такой степени разгорячена глупыми комплиментами Онегина, что нелепые

слова: «гибель от него любезна», произносятся с глубоким убеждением и очень добросовестно проводятся в жизнь. Забыть Онегина, прогнать мысль о нём какими-нибудь дельными занятиями, подумать о каком-нибудь новом чувстве и вообще превратиться какими-нибудь средствами из несчастной страдальницы в обыкновенную, здоровую и весёлую девушку – всё это возвышенная Татьяна считает для себя величайшим бесчестьем; это, по её мнению, значило бы свалиться с неба на землю, смешаться с пошлою толпою, погрузиться в грязный омут житейской прозы. Она говорит, что «гибель от него любезна», и поэтому находит, что гораздо величественнее страдать и чахнуть в мире воображаемой любви, чем жить и веселиться в сфере презренной деятельности. И в самом деле, ей удаётся довести себя слезами, бессонными ночами и печальными размышлениями под лучом Дианы до совершенного изнеможения.

После отъезда Онегина из деревни Татьяна, стараясь поддержать в себе неугасимый огонь своей вечной любви, посещает неоднократно кабинет уехавшего идеала и читает с большим вниманием его книги. С особенным любопытством вглядывается и вдумывается она в те страницы, на которых рукою Онегина сделана какая-нибудь отметка. «И ей открылся мир иной», – объявляет нам Пушкин. Слова: «мир иной», должны, по-видимому, обозначать собою новый взгляд на человеческую жизнь вообще и на личность Онегина в особенности.

...Надо полагать, что «ярмарка невест» занимает очень почётное место в том новом мире, который открыла Татьяна. В Москве Татьяна ведёт себя именно так, как обязана вести себя благовоспитанная барышня, привезённая заботливою родительницей на ярмарку невест. Куда бы она ни стремилась мечтой – это решительно всё равно. Тело её, затянутое в корсет, во всяком случае, находится там, где ему велят находиться, и делает именно те движения, которые ему прикажут делать.

...Татьяна до конца романа остаётся тем самым рыцарем печального образа, каким мы видели её в её письме к Онегину. Её болезненно развитое воображение постоянно создаёт ей поддельные чувства, поддельные потребности, поддельные обязанности, целую искусственную программу жизни, и она выполняет эту искусственную программу с тем поразительным упорством, которым обыкновенно отличаются люди, одержимые какой-нибудь мономаниею. Она вообразила себе, что влюблена в Онегина, и действительно влюбила себя в него. Потом она вообразила себе, что её жизнь разбита. Потом, видя, что ей не удаётся умереть, она вообразила, что теперь ко всему равнодушна; тогда она отдала себя в распоряжение своих родственников, которые сбывли её толстому генералу. Очутившись в руках своего нового хозяина, она вообразила, что превращена в украшение генеральского дома. Она поставила себя под стеклянный колпак и обязала себя простоять под этим колпаком в течение всей своей жизни. И сама она смотрит на себя со стороны и любит неприкосновенностью и твёрдостью своего характера.

Онегин встречается с нею в Петербурге в то время, когда она, драпируясь в свою неприкосновенность, уже украшает своею добродетельною особою жилище толстого генерала.

...Онегин проникается предосудительным желанием вытащить это украшение из-под стеклянного колпака. Но украшение не трогается с места и, оставаясь под колпаком, читает оттуда предприимчивому денди такую проповедь, которая доставляет ему очень мало удовольствия.

Этой проповедью, как известно, заканчивается весь роман. Знаменитый монолог заключает в себе следующий смысл: зачем вы не влюбились в меня прежде? Теперь вы ухаживаете за мною потому, что я превратилась в блестящее украшение богатого дома. Я вас всё-таки люблю, прошу вас убираться к чёрту; свет мне противен, но я намерена безусловно исполнять все его требования.

Этот монолог доказывает ясно, что Татьяна и Онегин друг друга стоят; оба они до такой степени исковеркали себя, что совершенно потеряли способность думать, чувствовать и действовать по-человечески. Само по себе чувство Татьяны мелко и дрябло; но по отношению к своему предмету это чувство точь-в-точь такое, каким оно должно быть.

Белинский посвятил характеристике Татьяны целую отдельную статью. В этой статье он, по своему обыкновению, высказал много превосходных мыслей, которые даже теперь, по прошествии двадцати лет, могут ещё изумлять и приводить в ужас неисправимых филистеров.

Белинский ставит Татьяну на пьедестал и приписывает ей такие высокие достоинства, на которые она не имеет никакого права и которыми сам Пушкин, при своём поверхностном и ребяческом взгляде на жизнь вообще и на женщину в особенности, не хотел и не мог наделить любимое создание своей фантазии.

Часть II. Целостный анализ текста (40 баллов)

Выберите ОДИН из вариантов.

Вариант 1.

Прочитайте рассказ Л.Н. Андреева. Проанализируйте его, опираясь на поставленные вопросы.

В чём, по Вашему мнению, смысл названия рассказа?

Как название связано с главным событием рассказа?

Как называется главный повествовательный приём, использованный автором в рассказе?

Какие художественные приёмы и зачем использует автор?

В чём смысл финала?

Необязательно отвечать на все вопросы последовательно. Вы можете избрать свой путь анализа. Пишите развёрнуто, связно, внятно, свободно.

Леонид Николаевич Андреев (1871–1919)

ВЕЛИКАН

– ...Вот пришёл великан, большой, большой великан. Такой большой, большой. Вот пришёл он, пришёл. Такой смешной великан. Руки у него толстые, огромные, и пальцы растопырены, и ноги тоже огромные, толстые, как деревья, такие толстые. Вот пришёл он... и упал! Понимаешь, взял и упал! Зацепился ногой за ступеньку и упал! Такой глупый великан, такой смешной – зацепился и упал! Рот раскрыл – и лежит себе, и лежит себе, такой смешной, как трубочист. Ты зачем пришёл сюда, великан? Ступай, ступай отсюда, великан! Додик такой милый, такой славный, славный; он так тихонько прижался к своей маме, к её сердцу – к её сердцу – такой милый, такой славный. У него такие хорошие глазки, милые глазки, ясные, чистые, и все так его любят. И носик у него такой хороший, и губки, и он не шалит. Это прежде он шалил – бегал – кричал – ездил на лошадке. Ты знаешь, великан, у Додика есть лошадка, хорошая лошадка, большая с хвостом, и Додик садится на неё и ездит, далеко-далеко на речку ездит, в лес ездит. А в речке рыбки, ты знаешь, великан, какие бывают рыбки? Нет, ты не знаешь, великан, ты глупый, а Додик знает: такие маленькие, хорошенькие рыбки. Солнышко светит в воду, а они играют, такие маленькие, хорошенькие, такие быстрые. Да, глупый великан, а ты не знаешь.

– Какой смешной великан! Пришёл и упал! Вот смешной! Шёл по лестнице – раз-раз, зацепился за порожек и упал. Такой глупый великан! А ты не ходи к нам, великан, тебя никто не звал, глупый великан. Это прежде Додик шалил и бегал – а теперь он такой славный, такой милый, и мама так нежно-нежно его любит. Так любит – больше всех любит, больше себя, больше жизни. Он её солнышко, он её счастье, он её радость. Вот теперь он маленький, совсем маленький, и жизнь его маленькая, а потом он вырастет большой, как великан, у него будет большая борода и усы большие, большие, и жизнь у него будет большая, светлая, прекрасная. Он будет добрый, и умный, и сильный, как великан, такой сильный, такой умный, и все будут его любить, и все будут смотреть на него и радоваться. Будет в его жизни горе, у всех людей есть горе, но будут и большие, светлые как солнце радости. Вот войдёт он в мир красивый и умный, и небо голубое будет сиять над его головой, и птицы будут петь ему свои песенки, и вода будет ласково журчать. И он взглянет и скажет: «Как хорошо на свете, как хорошо на свете...»

– Вот... Вот... Вот... Этого не может быть. Я крепко, я нежно, нежно держу тебя, мой мальчик. Тебе не страшно, что тут так темно? Посмотри, вон в окнах свет. Это фонарь на улице, стоит себе и светит, такой смешной. И сюда посветил немного, такой милый фонарь. Сказал себе: «Дай и туда посвечу немножко, а то у них так темно – так темно». Такой длинный смешной фонарь. И завтра будет светить – завтра. Боже мой, завтра!

– Да, да, да. Великан. Конечно, конечно. Такой большой, большой великан. Больше фонаря, больше колокольни, и такой смешной пришёл и упал! Ах, глупый великан, как же ты не заметил ступеньки! «Я вверх смотрел, мне внизу не видно, – говорит великан басом, понимаешь, таким толстым, толстым голосом. – Я вверх смотрел!» – А ты вниз лучше смотри, глупый великан, тогда и будешь видеть. Вот Додик мой милый, милый и такой умный, он вырастет ещё больше, чем ты. И так будет шагать – прямо через город, прямо через леса и горы. Он такой будет сильный и смелый, он ничего не будет бояться – ничего. Подошёл к речке – и перешагнул. Все смотрят, рты разинули, такие смешные, – а он взял и перешагнул. И жизнь у него будет такая большая, и светлая, и прекрасная, и солнышко будет сиять, милое родное солнышко. Выйдет себе утречком и светит, такое милое... Боже мой!

– Вот... Вот пришёл великан – и упал. Такой смешной – смешной – смешной же!

Так глубокою ночью говорила мать над умирающим ребёнком. Носила его по тёмной комнате и говорила, и фонарь светил в окно, – а в соседней комнате слушал её слова отец и плакал.

(1907)

Вариант 2

Прочитайте стихотворение. Проанализируйте его, опираясь на поставленные вопросы.

Какие жанровые черты Вы видите в этом стихотворении?

Какие особенности лексики и грамматики Вы видите в этом стихотворении?

С чем сравнивается Рим и почему?

В чём философская идея стихотворения?

Как выражен образ лирического героя в этом стихотворении?

Необязательно отвечать на все вопросы последовательно. Вы можете избрать свой путь анализа. Пишите развёрнуто, связно, внятно, свободно.

Евгений Абрамович Баратынский (1800–1844)

* * *

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель,

Ты был ли, о свободный Рим?

К немym развалинам твоим

Подходит с грустию их чуждый навеститель.

За что утратил ты величье прежних дней?

За что, державный Рим, тебя забыли боги?

Град пышный, где твои чертоги?

Где сильные твои, о родина мужей?

Тебе ли изменил победы мощный гений?
Ты ль на распутии времён
Стоишь в позорище племён,
Как пышный саркофаг погибших поколений?

Кому ещё грозишь с твоих семи холмов?
Судьбы ли всех держав ты грозный возвеститель?
Или, как призрак-обвинитель,
Печальный предстоишь очам твоих сынов?

(1821)

Максимальное количество баллов за работу – 70.